

деви: аще владычествующи им живи суть, — дабы более здравие и счастье их простилось (так!) ¹ на земли, аще ли мертви суть, — дабы за наше усердие более отпущение грехов им получитьи. И вси удивишася княжеску ответу, ласкающии ему посрамишася. И по сем повеле князь той перстень отнести до шпиталеи тоя благородныя отроковицы и вручити ей. Она же узре той обручальвый перстень и слыша, како из моря рыбою вынесен бе, и наедине многия излиа слезы, и разуме своего обручника мертва быти, и отложи все свое чаяние о животе его, паче же возсылая благодарение богу, что благоволил явити ей о нем таковою вещь, и к тому уже со усопшими поминати его всегда повеле, а перстень той скры у себе и со червленым обвитием, мысляше в себе по своем животе его продать на память своего спасения, а о обрученике своем всю свою надежду отложи к тому видети, но более положи попечение ко строению спиталеи и безмерною милостию цете, — не безделно бо повсюду слава об ней бяше.

л. 263

Благородный же тот Бруна, егда от великих волн морских спасение получи, велиими ветры принесен бысть к берегу морскому в дальних и незнаемых пустых краех. И егда от великаго волнения и биения морскаго на брег вынесен бе и прииде в себе, оглядаше место отовсюду пустотою объято, и не увиде пред собою благородной своей обручницы, нача велми горко плакати; и жалостно рыдая, безчастие свое вменяя быти, и в великом размышлении бяше, и не ведаше что сотворити, во многом сетовании возведе очи свои и виде по морю корабль грядущ и рад бысть нача велми звати. Корабленицы ж услышаша глас вопиющаго и прислаша к нему малый кораблец и взяша его к себе. И егда же узреша его доброобразна и благородством сияюща, велми удивишася и желающе увести отечество его. Он же ничесо же им отщещеваше и проста человека быти себе им являше. Они же, видевше красоту его, паче же богом надаренну в нем премудрость, турскому салтану пръведоша его в дары; он же с великою любовию у них его прият; и благородный же юноша велию услугу ему творяше.

л. 263 об.

л. 264

Салтаново же величество, зря его отовсюду мудростию кипети и благородством и добродством (так!) сияюща, зело возлюбил его, паче же за верное служение ему, и приставил его над всем домом своим и царством строителя и толико его любляше, яко своего сына вменяше быти. И благородный же той юноша велию храбрость и службу ему показа и велми процветаше во своей славе и в богатстве, а о обручнице своей Мелеонии такоже отложи чаяние видети ю, мысляше ей возвратитися ко своему отцу, точию даде обет богу не искати иного супружества себе. По неколицех же днех прииде ему желание видети своя родители и прииде до салтанова величества и нача его молити мудрыми глаголы сице: о, славный и всего света царю, кто тако почтен от вышняго честию и множеством царств ко обдержанию, яко твое величество. Милостию и правдою и родством никто же тако сияет на земли, яко твое высокопрестолство, кою милость и на мне недостойнем излияти благоволил еси, ни за выслугу кою мою к тебе, но являше ко всем недостойным мною множеством своего милосердия, — никогда мне в памяти моей

л. 264 об.